

зренческий и духовный настрой общества; музыка торжественна и вдохновенна, но вместе с тем достаточно легко воспроизводима и запоминаема. Именно в XIX в. гимн — вместе с гербом и флагом — входит в складывающееся триединство символов государственного суверенитета. Государственные символы утверждаются властью, которая, как правило, причастна к их созданию и даже инициирует их выбор (иногда учитывались исторические традиции и политические устремления, а иногда — народный колорит без всякой политики). Символы государственного суверенитета постепенно закрепляются законодательно.

Во многих странах разрабатываются и неукоснительно соблюдаются ритуалы, связанные не только с использованием герба и флага, но и с исполнением гимна (слова гимна учат в школах, приветствуется хоровое исполнение, при звуках гимна правую руку прикладывают к сердцу и пр.). Это считается нормой в гражданском обществе.

Эволюция российского герба и флага может быть и не так широко, как хотелось бы, но все-таки представлена в современной российской историографии. История гимнов менее разработана. Можно согласиться с мнением В. М. Калинин, что музыкально-поэтический жанр, к которому принадлежит гимн, «являясь неотъемлемым атрибутом символики государства, до сих пор не имеет своего четко обозначенного, четко очерченного определения, не имеет обязательных для этого художественного жанра критериев»². Представляются справедливыми замечания этого автора, что государственный гимн, как правило, соответствует комплексу критериев, которые отличают его от других музыкально-поэтических жанров, например от песни, кантаты, оратории, марша, и в значительной степени определяются специалистами по истории музыки.

Ряд авторов в работах последних лет пишут об официальных и неофициальных гимнах России, о национальном (государственном?) гимне, о гимне-марше Преображенского полка и о других маршах-гимнах, а также гимнах-молитвах³. Музыка этих гимнов была привлекательна для отдельных групп населения и различных сословий России, но ни один из них не нес объединяющего программного начала для народа всей страны, в чем, собственно, и состоит основной критерий государственного гимна. Идентификация марша и гимна «сдвигает» дату появления российского государственного гимна к эпохе Петра I, что методически неверно.

В ряде работ, опубликованных в последние годы, проблема появления русского национального гимна рассматривается в контексте формирования идеологии николаевской России и неразрывной нитью связывается с провозглашенной в марте 1833 г. известной доктриной министра просвещения С. С. Уварова — «правосла-

oo

² Калинин В. М. Да будет во благо сплочение наше! М., 2000. С. 4.

³ Артамонов В. А. «То был России клич!» // Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. М., 1993. С. 192—193; Грачев В. Н. Гимны России — зеркало ее духовного состояния. М., 2003. Последняя книга содержит в обобщенном виде довольно полный материал о российских гимнических мелодиях.

«Услыши, Господи, молитву мою» — «капитальнейшие нумера в духовно-музыкальном творчестве...»⁶.

Одним из первых официальных гимнов европейских государств признается «Боже, храни короля, королеву» (Великобритания). Однако по поводу авторства английского гимна споры ведутся до сих пор, и в одном из известнейших музыкальных словарей (Гроува) говорится, что авторы слов и музыки этого гимна неизвестны. Во второй половине XVIII в. появились гимны и в других европейских странах. Например, в Австрии вариации на песню Ф. Й. Гайдна из «Императорского квартета» в честь австрийского императора — «Боже, храни Императора Франца» (слова Л. Хашки) до 1918 г. представляли собой государственный гимн этой страны. Эта же мелодия, но уже со словами Г. фон Фаллерслебена «Германия, Германия, превыше всего» превратилась в гимн германского рейха; в настоящее время — это гимн ФРГ (имеющий другие слова)⁷. Известнейшим гимном в конце XVIII в. стала французская «Марсельеза». Декретом Директории от 14 июля 1795 г. она была объявлена национальной песней, но только в 1879 г. ее утвердили как официальный гимн Французской республики.

Бельгийский гимн «Брабансон» («брабантский»), ранее — «Брюсселюаз» («брюссельский»), относится к тревожным дням борьбы Бельгии за независимость от Голландии и последовавшего затем образования в 1830 г. самостоятельного Бельгийского государства. Написан он был непрофессионалами. Первый автор текста, актер Женеваля, был убит в борьбе с голландцами, став национальным героем. Автор музыки Ф. ван Кампенгоут увлекся словами патриотических стихов Женеваля «и случайно» написал к ним мелодию, будучи самоучкой. Как память о революционных действиях бельгийцев, он пользуется популярностью до сих пор, хотя слова в связи с изменением политической ситуации написали иные, вскоре после примирения с Голландией. Можно согласиться с мнением Н. Бернштейна, который подчеркивал, что история создания некоторых гимнов обнаруживает явную связь между их происхождением и политическим настроением. «Не только бельгийский и французский гимны, но и английский... являются своего рода звуковыми термометрами, показывающими подъем общественного настроения»⁸.

Действительно, именно тогда, когда Россия и Англия вместе сокрушили Наполеона, английский государственный гимн стал объектом внимания в России. В 1814 г. Жуковский сделал стихотворный перевод английского гимна. Первая публикация его в «Сыне отечества» в 1815 г. содержала 7 строк и называлась

Кашкин Н. Очерк истории русской музыки. М., 1908. С. 96; Преображенский А. В. Культурная музыка в России. Л., 1924. С. 94. Список его духовных произведений приводит в своем труде «Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825—1917» (М., 1994. С. 44—45) современный историк музыки Е. М. Левашов.

⁷ Музыкальный словарь Гроува. М., 2001. С. 252, 349.

⁸ Бернштейн Н. История национальных гимнов. Пг., 1914. С. 25—27, 45.

«Молитва русских». Есть сведения, что в конце 1815 г. в Дерпте они исполнялись на музыку местного композитора А. Вейрауха⁹.

Однако с 1816 г. стихи поются уже на музыку английского гимна «Боже, храни короля». В «Истории лейб-гвардии Финляндского полка» упоминаются письма цесаревича Константина Павловича к генерал-адъютанту Сипягину, в которых очень подробно, день за днем излагается все, что происходило в Варшаве во время пребывания там осенью 1816 г. Александра I. Во время парада, когда царь «подъехал к фронту войск, все музыканты, барабанщики и флейщики после пробития двух колен похода сыграли гимн “Боже, Царя храни!””, взятый с английского национального “Боже, храни короля!” Это, как пишет Константин Павлович Сипягину, “было впервые употреблено и очень понравилось императору”¹⁰. С тех пор начали постоянно исполнять мелодию английского гимна «при отдании чести государю, попеременно с двумя коленами похода».

Однако несмотря на исполнение «Молитвы русских» с английской мелодией в разных ситуациях (например, лицеисты, соученики А. С. Пушкина, узнавая, что царь находится рядом, начинали петь «Боже, Царя храни» по тогдашнему тексту и тогдашней английской мелодии¹¹). За государственный российский гимн он вряд ли признавался, потому что его исполнение не входило в обязательный ритуал в различных официальных церемониях. Так, в присутствии Николая I, царицы и наследника, прибывших в Варшаву в 1829 г. для коронации, при вручении скипетра и державы и возгласах «Слава императору во веки веков» под гром пушек исполнили церковный гимн «Тебе, Бога, хвалим»¹².

Полный вариант «Молитвы русского народа» (42 строки), написанный В. А. Жуковским, не ограничивается лишь прославлением монарха, но, варьируя тематически английский текст, содержит воспевание «воинов-мстителей», а также — «мирных блюстителей» (закона). Кроме того, не только правитель, но и Отечество — Русь православная — герои написанной им «Молитвы». Подобная тематическая линия явно соотносится с историческим контекстом — триумфом победы над Наполеоном¹³. Эта линия, как бы уравновешивающая «значимость» Отечества и монарха, не понравилась впоследствии Николаю I, который, по словам современников, называл текст, написанный Жуковским при Александре I, «размазанною Жуковского»¹⁴. Текст 1833 г. царя более устроил, так как в нем основным фигурантом выступал сам монарх, кроме того, здесь присутствовали «составляющие» официальной доктрины: православие (царь «православный»), самодержавие (царь

oooooooooooooooooooooooooooooooooooo

⁹ *Рамазанова Н. А. С. Пушкин и А. Ф. Львов // Нева. 2001, № 2. С. 216; Серебренников Н. В. Гимн России «Боже, Царя храни!». Тверь, 2002. С. 4.*

¹⁰ История лейб-гвардии Финляндского полка. Отдел I. СПб., 1806—1831. С. 259—260.

¹¹ Цит. по: *Серебренников Н. В. Указ. соч. С. 4.*

¹² Записки композитора Алексея Федоровича Львова // *Русский архив. 1884. Кн. 4. С. 242.*

¹³ См.: *Kisseljova L. Op. cit. S. 256—259.*

¹⁴ Гимн «Боже, Царя храни». Из рассказов А. П. Петерсона // *Русский архив. 1909. № 12. С. 528.*

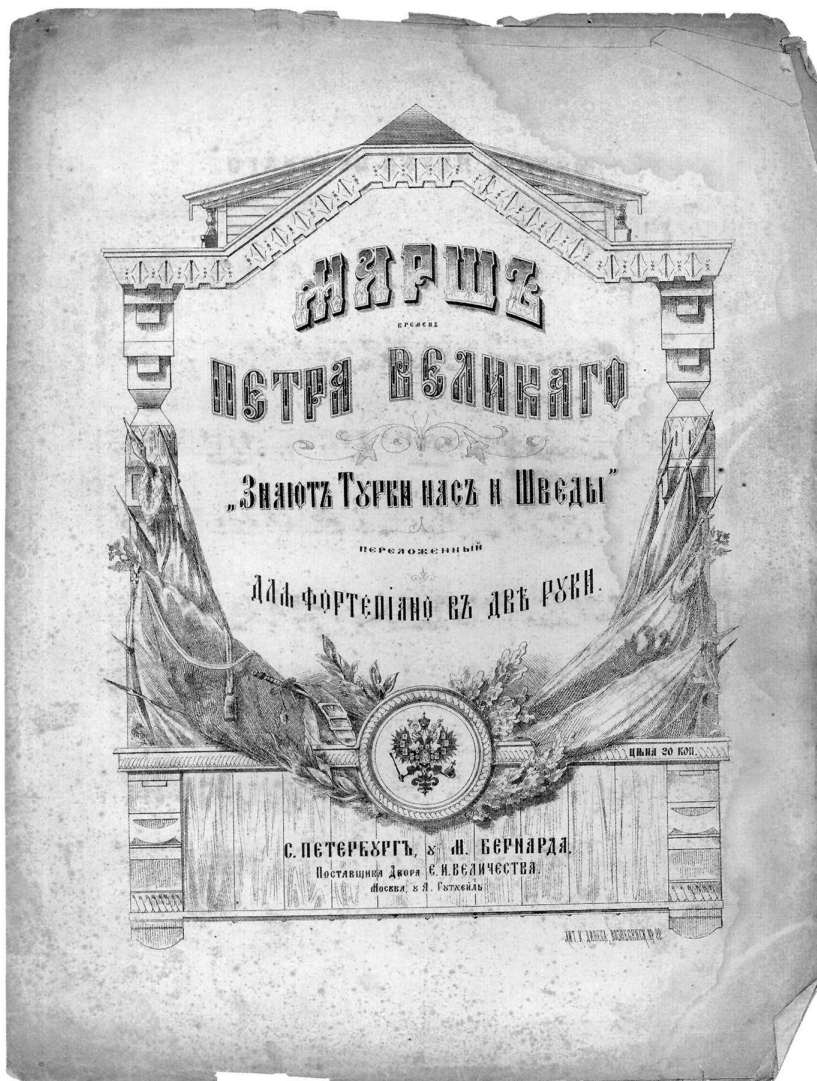

ского архива». Именно в них Алексей Федорович объясняет причину, по которой он взял на себя трудную миссию — написать государственный гимн. По окончании Корпуса инженеров путей сообщения в 1818 г. Львов попал на военную службу под начало А. А. Аракчеева, а затем — в Министерство внутренних дел к А. Х. Бенкендорфу. В 1826 г. его, не желавшего быть «по секретной части», назначили управляющим делами Императорской квартиры, как боевого офицера (Львов принимал участие в русско-турецкой войне), зачисляют в почетный Кавалергардский полк и назначают командиром царского конвоя. С этого времени он становится близок не только императору, но и его семье, аккомпанируя на скрипке пению княжны, участвуя в домашних концертах императорского семейства.

Событию, связанному с «царским заказом», Львов уделяет особое место в своих «Записках»: «...В 1833 году я сопутствовал Государю в Австрию и Пруссию. По возвращении в Россию граф Бенкендорф сказал мне, что Государь, сожалея, что мы не имеем своего народного гимна и скучая слышать музыку Английскую, столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн Русский. Задача эта показалась мне трудною, когда я вспомнил о величественном гимне Английском: “God save the King”, об оригинальном гимне Французском и умильном гимне Австрийском. Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа — от ученого до невежи. Все эти условия меня пугали и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь домой поздно, я сел к столу и в несколько минут гимн был написан». Далее рассказывает, как Львов пошел к Жуковскому (по-видимому, существовала предварительная договоренность), который предоставил Львову 6-строчный текст, начинающийся теми же словами «Боже, Царя храни!», что и текст 1814 г. Львов писал, что Жуковский «подогнал» под его мелодию уже имеющиеся слова. На самом деле кроме первой строчки слова были написаны новые, отчасти действительно в соответствии с музыкальным размером, предложенным Львовым, но прежде всего, как об этом говорилось выше, в соответствии с «идеологической программой». Осознавая свою роль в ее осуществлении, Львов, обращаясь к детям в своих «Записках», замечал: «Душевному артисту, как ваш отец, можно почитать счастьем удачное сочинение гимна, который если не достоинством, то по назначению своему, переживет бездну других музыкальных сочинений несравненно обширнее, которого достоинство и ценность увеличивается по мере умножения числа лет его существования, и наконец, который после десяти лет сделался народным в России и принят с особым одобрением во всей Европе»¹⁷.

Подобную же значимость своего с Львовым творения осознавал и Жуковский. Незадолго перед смертью он писал Львову: «Наша совместная двойная работа переживет нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив право гражданства, останется навсегда живою, пока будет жив народ, который ее присвоил. Из всех

17 Записки композитора... // Русский архив. 1884. № 4. С. 243, 247.

Марш времен Петра Великого «Знают турки нас и шведы».
Переложение для фортепиано в две руки.
СПб., б. г.

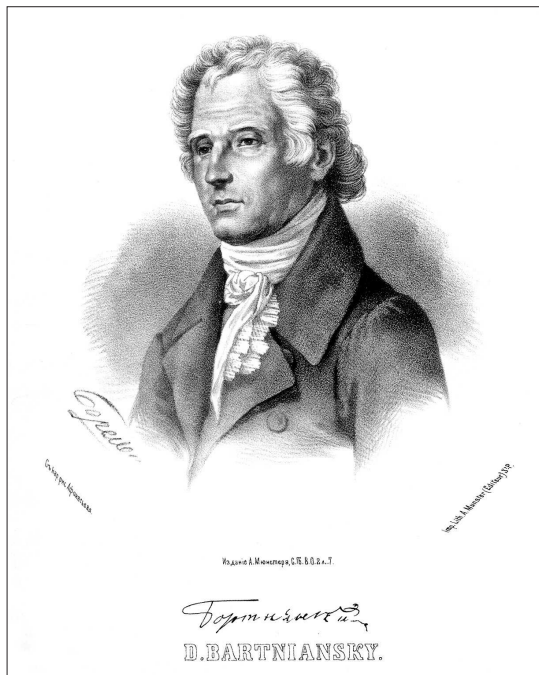

О. А. Козловский.
 «Гром победы, раздавайся!»
 (слова Г. Р. Державина).
 Русский победный гимн
 времен Екатерины Великой.
 М.: П. Юргенсон, 1896 г.

Г. Р. Державин,
 автор слов первого русского
 светского гимна
 «Гром победы, раздавайся!»

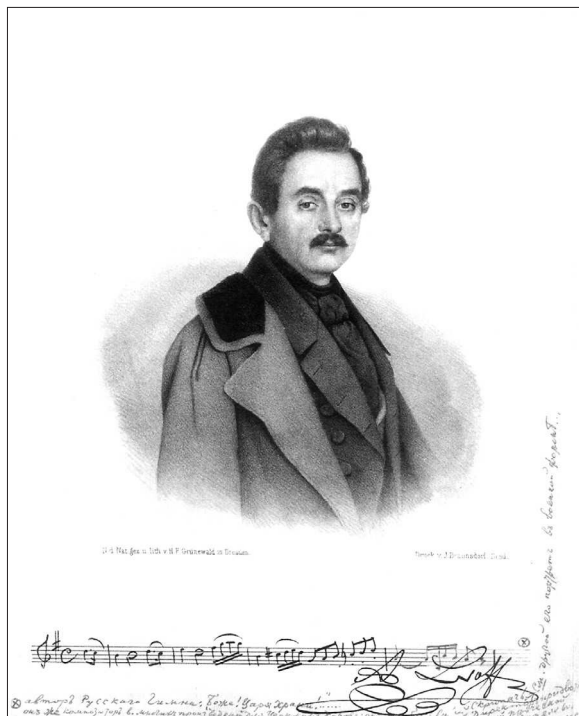
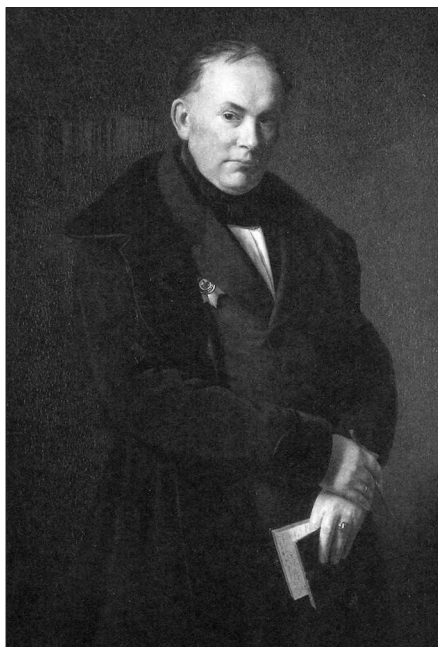

Д. Бортнянский.
Литография А. Мюнстера.
1840-е гг.

Д. Бортнянский.
«Коль славенъ нашъ господь в Сионе»
(слова М. М. Хераскова).
Печатное издание из библиотеки
Придворной певческой капеллы

В. А. Жуковский,
автор слов гимна «Боже, Царя храни!»

А. Ф. Львов, автор музыки
гимна «Боже, Царя храни!»

ное исполнение гимна, ибо государь, желая передать гимн на «оценку и суждение» народа, выбрал для этого московскую публику²⁰.

В Петербурге состоялось официальное оформление национального гимна. 25 декабря 1833 г., в день годовщины изгнания войск Наполеона из России, гимн был исполнен во всех залах Зимнего дворца в присутствии самых высоких воинских чинов и при освящении знамен. «C'est superbe!» (Это великолепно!) — с такими словами, по воспоминаниям Львова, обратился к нему царь. В некоторых публикациях к этому добавляется еще: «Это то, что мне надо». Следующее общественнозначимое исполнение гимна произошло 30 августа 1834 г. на Дворцовой площади, где был открыт монумент в честь победы над Наполеоном — Александровский столп. Таким образом, «Народная песнь» ассоциировалась отныне с народным подвигом, совершенным под руководством монарха во славу Российской империи²¹. Еще в декабре предписывалось всем военным оркестрам «на парадах, смотрах, разводах и в прочих случаях» вместо английской мелодии играть музыку, созданную Львовым.

Итак, Государственный гимн Российской империи состоялся. Его пропагандировали очень широко. Уже в начале 1834 г. газета «Северная пчела» сообщала, что в продажу поступила «Песнь русских», положенная на музыку Львовым, и «музыка сей песни — в четырех разных изданиях: 1) для хора с полным оркестром; 2) для хора с фортепьяно; 3) для одного голоса с фортепьяно; 4) для фортепьяно на четырех руки»²². Существовали и многочисленные подарочные и юбилейные издания.

Львов неоднократно в своих «Записках» отмечает, насколько выигрывал российский гимн по сравнению, например, с прусским или австрийским, когда они исполнялись на совместных мероприятиях. Так, в сентябре 1835 г. в присутствии прусского, австрийского и русского государей, обсуждавших вопрос о памятнике в честь Кульмского сражения, выигранного союзниками в 1813 г., военные оркестры играли государственные гимны: «...кто из русских не был тронут до глубины сердца, когда раздался отечественный гимн “Боже, Царя храни!” Такой разительный отпечаток нравов Австрийцев и Русских! Сочинение мое мне никогда так хорошо не казалось, от восторга у меня лились слезы; я видел, что самые иностранцы были увлечены силою и чувством нашего гимна и сопровождали музыку пением на русском языке»²³.

Рассказывая об одном из своих концертов в Германии — в Гейдельберге, Львов вспоминает, что закончил концерт «нашим народным гимном. Все слушатели были в неизъяснимом удовольствии, а музыканты, встретив меня на другой день, ходили за мной по улицам целою толпою». В другой раз, в Дрездене, после основного концерта «был исполнен наш народный гимн, ... рукоплескания, стук ногами и стульями, крики “форо” раздавались, как молния, по всей зале. Я должен

20 Московские ведомости. 9.X.1883.

21 Kisseljova L. Op. cit, s. 263 (несколько иная интерпретация).

22 Северная пчела. 1834. № 4. С. 14.

23 Записки композитора // Русский архив. 1884. № 4. С. 252—253.

Н. Ф. Соловьев приложил много сил, чтобы опровергнуть эти измышления, для чего он вынужден был обратиться к германскому императору, приказавшему для выяснения действий фирмы Шлезингер, издавшей марш Гааза, произвести поиск в архивах. К 75-летию национального гимна, в 1908 г., Соловьеву был пожалован орден. Итог дискуссии о плагиате, казалось бы, подвела большая статья начальника придворного оркестра барона Штакельберга, опубликованная в 1910 г. в «Новом времени», которая была написана на основании подлинных документов и разбивала «все доводы против приоритета Львова»²⁷. Тем не менее в 1911 г. появился еще один пасквиль по поводу русского национального гимна — якобы его мелодия была «списана со старинного голландского псалма». Потребовались новые доказательства нелепости обвинений; эти доказательства на сей раз официально были присланы из Голландии. Однако «Русская музыкальная газета» продолжала печатать «разоблачительные» материалы в отношении русского национального гимна и его автора²⁸.

Все домыслы о «неподлинности» мелодии первого русского национального гимна не умалили ее величественности. Что же касается автора музыки «Боже, Царя храни!», то Львов навсегда вошел в плеяду русских композиторов, о чем свидетельствует, в частности, картина И. Е. Репина, висящая на площадке лестницы Московской консерватории. Картина называется «Славянские композиторы», и на ней, вместе с Глинкой, Шопеном, Римским-Корсаковым и другими, изображен в расшитом золотом генеральском мундире Львов²⁹.

Через шесть лет после публикаций о «недостаточно русском» гимне Львова все та же «Русская музыкальная газета» включилась в борьбу за новый гимн. 10 марта 1917 г. (через неделю после отречения от престола Николая II) на ее первой странице была напечатана «Анкета о новом народном гимне». По условиям «Анкеты» 1) гимн не может превышать 8 стихов; 2) по содержанию стихов он должен быть патриотичен и внепартиен; 3) текст гимна должен подходить к какой-либо популярной на Руси мелодии торжественного характера (специально подчеркивалось: выбор мелодии старого львовского гимна, по своей форме напоминающего старый немецкий хорал, исключается). Вероятно, как пример нового всероссийского гимна рядом с «Анкетой» были напечатаны стихи В. Б. Чехихина, которые надлежало петь на мелодию Бортнянского «Коль славен»³⁰. Страницы газеты заполнили в дальнейшем рекомендации по использованию для нового гимна державы той или иной мелодии известных русских композиторов: Глинки, Глазунова, Римского-Корсакова; гимн берендеев из «Снегурочки» казался издателям газеты «готовым гимном».

27 Подробнее об этом см.: *Бернштейн Н.* Указ. соч. С. 9—10; *Барановский А.* Указ. соч. С. 97—99; *Барон Штакельберг Н.* Об авторе нашего народного гимна // Новое время. 4. VI.1910.

28 Русская музыкальная газета. 1911. № 30—31. С. 617.

29 *Розанов А.* «Народная молитва» или, Как создавался старый русский гимн // Российские вести. 1991. № 13.

30 Русская музыкальная газета. 10.03.1917. № 10; № 11—12. 19—26.03.1917.

Ни одно из предложений общественности, касающееся нового гимна демократической России, Временным правительством принято не было³¹.

Однако практически роль гимна в 1917 г. исполняла французская «Марсельеза». Казалось бы, к России эта французская «Боевая песня рейнской армии», сочиненная в апреле 1792 г. офицером Клодом Жозефом Руже де Лилем и ставшая в революционной Франции ее сугубо патриотическим символом, не имеет отношения. Но, во-первых, в период русских революций 1917 г. вообще имели место многочисленные подражания Великой Французской революции — будь то использование античной символики, примеры аналогичного оформления дензнаков, марок, образцом служило французское искусство эпохи революции и т. д. Во-вторых, «Марсельеза», которая пелась в начале XX в. в России, по словам и отчасти даже по музыке (из-за размера новых стихов) отличалась от французского гимна³².

При Временном правительстве, так и не утвердившем символику новой, постсамодержавной России в ожидании Учредительного собрания, официальный гимн Франции «Марсельеза» выполнял некоторые функции государственного гимна. Ее исполняли при встрече членов Временного правительства, при приеме иностранных делегаций, перед началом спектаклей в театрах. Причем оркестры исполняли классический французский вариант «Марсельезы», а пелась русская «Рабочая Марсельеза». Многие полки отправлялись на германский фронт с красными революционными знаменами, в бой они шли под звуки «Марсельезы»³³.

Как «Марсельезе», так и «Интернационалу» в зарубежной историографии посвящено много работ, писали о них и отечественные музыковеды и историки³⁴. Нередко утверждается, что «Интернационал» стал гимном Советского государства сразу же после октябрьских событий 1917 г. При этом ссылаются на книгу Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», где автор пишет об исполнении «Интернационала» в Смольном уже 25 октября 1917 г. Для других отечественных авторов точкой отсчета является приезд В. И. Ленина из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 г., и описывается случай, вошедший в воспоминания многих очевидцев: на перроне Финляндского вокзала единомышленники встречали Ленина пением «Марсельезы». Однако Владимир Ильич поморщился и сказал: «Давайте петь “Интернационал”»³⁵. Как вспоминают очевидцы, слов последнего почти никто не знал, хотя «Интернационал» к тому времени имел уже русский текст. Ленин же, напротив, их хорошо знал, ибо еще в 1912 г. он написал статью, посвященную 25-летию со дня

31 Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 285—287.

32 См. об этом: Россия в XIX—XX веках. Материалы II научных чтений памяти В. И. Бовыкина. М., 2002. С. 353; Дрейден С. Песнь песней революции. М., 1988. С. 9.

33 Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 287—289.

34 См., например: Дрейден С. Музыка — революции. М., 1981; Он же. Песнь песней революции. М., 1988; Хентова С. М. Мелодии великого времени: «Марсельеза», «Интернационал». М., 1986; Гиппиус Е. В., Зверев Р. Я. К истории текста «Интернационала» и его переводов // Вопросы истории КПСС. 1968. № 3. С. 103—107 и др.

35 Дрейден С. Музыка — революции. С. 130; Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 291.

смерти Эжена Потье, члена Парижской коммуны, поэта, который и создал текст «Интернационала» буквально сразу же после падения Коммуны в 1871 г., Стихи, однако, были напечатаны лишь через 16 лет, незадолго до смерти автора в 1887 г. в сборнике *Chants révolutionnaires*, который через полтора месяца проник в Россию. Как показало источниковедческое исследование, тексты 1871 и 1887 гг. существенно разнятся (из 48 строчек только 17 совпадают³⁶): автор сделал изменения текста под влиянием растущего пролетарского движения, в частности выразил его кредо: «Прошлое сотрем начисто, мир должен измениться в своей основе» («Весь мир насилья мы разроем до основанья, а затем — мы наш, мы новый мир построим» — в русском переводе).

Переводы, сделанные со стихов Э. Потье 1887 г. в различных странах, не всегда соответствуют французскому тексту, в том числе и русский текст, который написал в 1902 г. поэт А. Я. Коц. Еще в 1899 г. он, бывший горный мастер из Донбасса, присутствовал, находясь в эмиграции, на конгрессе французских социалистов. Исполнение «Интернационала» так потрясло молодого русского эмигранта, что он решил сделать его достоянием борцов с самодержавием. Коц не перевел нескольких куплетов, принадлежавших перу Потье, но в Россию проникла музыка Дежейтера, что в значительной степени способствовало принятию и усвоению слов песни.

Некоторые современные авторы, не принимая во внимание эпоху и обстоятельства написания текста «Интернационала», отмечают его агрессивный характер, считая, что «его мрачное содержание полно угроз, призывов к насилию, к захвату чужого достояния». В нем видится даже символ языческой веры («Никто не даст нам избавленья — ни Бог, ни царь и не герой»). Однако никто не мог раскритиковать музыку «пролетарского гимна», как стали вскоре называть творение П. Дежейтера.

С русским переводом «Интернационал» быстро превратился в России в средство агитации. Вопреки существующему до недавних пор в отечественной историографии мнению, что «Интернационал» использовался лишь в большевистской агитации³⁷, в настоящее время аргументировано доказано и другое мнение: в 1917 г. большевики не были монополистами в его «внедрении» в России. «Интернационал» публиковался в песенниках, выпускавшихся издательствами различной политической ориентации — большевиками, меньшевиками, социалистами-револю-

Титульный лист гимна
«Боже, Царя храни!».
Издание выпущено по случаю
25-летия со дня первого
исполнения гимна

³⁶ Гиппиус Е. В., Зверев Р. Я. Указ. соч. С. 104

³⁷ Дрейден С. Указ. соч. С. 115—142.

«Боже, Царя храни!»
Гимны союзных держав. Б. м., 1914 г.

ционерами, печатью Советов и войсковых комитетов, а также беспартийными издательствами, преследовавшими коммерческие цели³⁸. «Интернационал» все сильнее соперничал с «Марсельезой», а большевики явно отдали предпочтение ему как своему партийному гимну, о чем говорит завершение пением «Интернационала» Апрельской конференции и VI съезда большевиков, а также — съездов местных Советов (например, Иваново-Вознесенска).

И все же даже Октябрь 1917 г. не принес окончательной победы «Интернационалу» над «Марсельезой», которая воспринималась русским обществом в качестве неотъемлемого атрибута предстоящего Учредительного собрания. Тем не менее 5 января 1918 г. при его открытии в Таврическом дворце и большевики и эсеры дружно запели именно «Интернационал». Один из присутствовавших на нем эсеров

впоследствии вспоминал: «Этот гимн для многих эсеров... был такой же заветной боевой песнью, как и для большевиков. Не помня себя, я вскочил и запел с ними... Это была величественная картина, когда все Учредительное собрание в целом, без различия фракций единодушно пело боевой гимн революционных социалистов»³⁹. А на III съезде Советов, состоявшемся вскоре, снова звучали и «Марсельеза» и «Интернационал». В дальнейшем «Марсельеза» постепенно уходит как символ «буржуазной» революции, а символом «пролетарской» — окончательно становится «Интернационал».

С образованием в 1922 г. Советского Союза слова «Интернационала» переводятся почти на все языки народов (даже ранее бесписьменных) Страны Советов. После переезда правительства социалистического государства в Москву «Интернационал» зазвучал в курантах на Спасской башне Кремля, сначала попеременно с революционным «Похоронным маршем», а затем был оставлен как единственная мелодия главной песни Страны Советов.

«Интернационалом» (музыкой и пением) сопровождалась в 1920—1930-е гг. все государственные мероприятия, а также церемонии с присутствием государственных деятелей всевозможных рангов. Так, в 1919 г. по прибытии К. Е. Ворошилова в штаб Н. И. Махно оркестр махновцев заиграл «Интернационал».

³⁸ Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 294

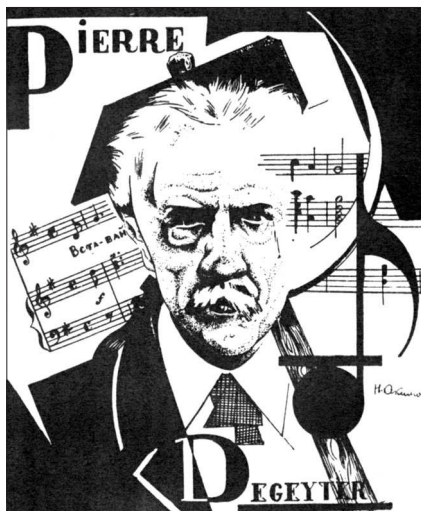
³⁹ Цит. по: Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 301, 302.

Пьер Дежейтер, автор музыки
«Интернационала»

ля), Блантер (на текст Долматовского), Кручинин (на текст Голодного), Чернецкий (на текст Лебедева-Кумача), постоянные отсылки в различных документах «к прошлому», то есть к 1942 г. — переходному от первого ко второму периоду войны⁴⁷.

Зимой 1941/1942 г. немецко-фашистские войска впервые за годы Второй мировой войны потерпели крупнейшее поражение, а Красная армия стала более сильной и опытной, способной решать сложные задачи, направленные на разгром врага, символом мужества и героизма, побед русского оружия. Не случайно, что именно в 1942 г. руководство страны «обратило взоры» к русским военным традициям, атрибутике, к именам русских полководцев: был упразднен институт военных комиссаров, введены погоны со

звездами вместо петлиц и ромбов, украшения на морских фуражках, формируется первая гвардейская армия и вводится нагрудный знак «Гвардия», учреждаются ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского и т. д.

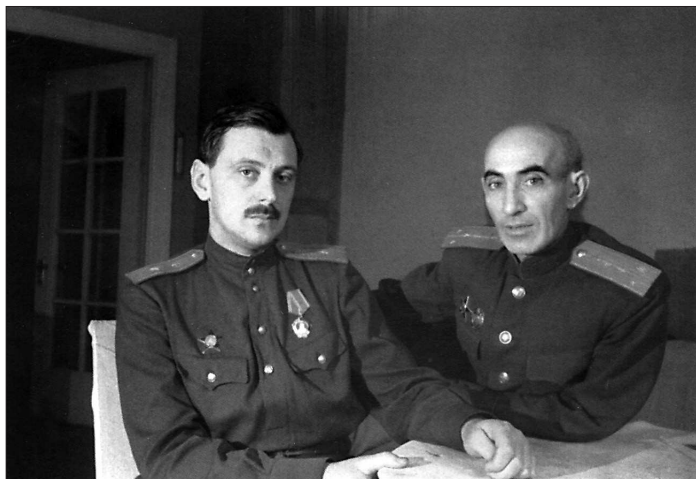
Все виды искусств, включая музыку, были задействованы в патриотической агитации и прежде всего бойцов на фронтах. Нередко они шли в атаку с известной всей стране «Песней о Родине».

Однако наибольшее влияние на духовный и патриотический настрой бойцов имела «Священная война» В. Лебедева-Кумача и А. Александрова. Стихотворение, начинавшееся словами «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», было опубликовано в газетах на третий день войны. Музыка к этим словам была написана Александровым буквально через несколько дней. «Священную войну» называли песней-гимном, а один музыковед назвал ее «музыкальной эмблемой Отечественной войны»⁴⁸.

За годы Великой Отечественной войны были написаны многие песни, которым присваивалось наименование «гимны». Пальма первенства в создании гимнических мелодий принадлежала А. В. Александрову. 1 мая 1942 г. прозвучал его торжественный гимн военных лет — «За честь и свободу» («Песня о Советском Союзе») на слова М. Голодного. В начале 1943 г. им написаны песни-гимны: «Святое ленинское знамя» (сл. О. Колычева), «Цвети, Советская страна» (сл. В. Лебеде-

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54, Ед. хр. 17. Л. 123, 171 и др.

⁴⁸ Поляновский Г. А. В. Александров. М.; Л., 1948. С. 81—82; Сохор А. Из истории песен Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 18; Рабинович А. С. Музыкальная эмблема Отечественной войны // Советская музыка. 1946. № 7. С. 22—24.

*С. Михалков и Г. А. Эль-Регистан,
авторы гимна Советского Союза. 1940-е гг.*

ва-Кумача), «Славься, Советская наша страна». Эту написанную им гимническую музыку Александров представил на конкурс мелодий для гимна Советского Союза, вместе с музыкой «Гимна партии большевиков»⁴⁹. Еще ряд композиторов создали песни-гимны со словами, прославляющими страну: В. Захаров — «Слава Советской державе», А. Новиков — «Славься, великая Родина», Т. Хренников — «Живи, наша Родина», Б. Александров — «Да здравствует наша держава».

Таким образом, выбор гимнической музыки в 1942 и первой половине 1943 г. был очень большим. Однако комиссия в составе заместителя председателя СНК СССР К. Е. Ворошилова, первого секретаря МК и МГК, начальника Главного политуправления Красной армии А. С. Щербакова, председателя Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР М. Б. Храпченко, председателя Союза советских писателей А. А. Фадеева, председателя Союза советских композиторов Р. М. Глиэра в июне 1943 г. практически начала работу по созданию гимна Советского Союза «с чистого листа».

18 июня 1943 г. Ворошилов и Щербаков в присутствии 8 поэтов и 12 композиторов несколько раз повторили: «Интернационал» устарел для нашего народа (это пройденный этап, пусть его поет тот, кто еще не разрушил старый мир). Они также высказали пожелания по содержанию гимна, в тексте которого должны быть отражены темы: победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся, во-первых, братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза, во-вторых. Особо подчеркивалось, что «о партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным»⁵⁰.

49 Сохор А. Русская советская песня. Л., 1959. С. 255.

50 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 2.

Подобные руководящие указания многим поэтам показались слишком общими, поэтому последовали конкретные вопросы: «Нужно ли употреблять в гимне слова “Ленин”, “Сталин”? Нужно ли отразить в гимне “настоящий момент” — войну?» Ворошилов вынужден был добавить, что слова «Ленин» и «Сталин» должны быть в тексте, но о фашистах писать не стоит. Впоследствии в тексте гимнов, написанных большинством поэтов, присутствуют и «Ленин», и «Сталин», и их «мудрое руководство». Впрочем, не все поэты обратились к этим именам. В текстах К. Симонова, О. Берггольц и некоторых других нет упоминаний о вождях Страны Советов.

С самого начала обсуждения вопроса о принципах создания гимна Советского Союза звучали слова об использовании русских мелодий при его написании. Щербаков, например, отмечал: «Русская музыкальная культура наиболее старая. И, вероятно, она наложит отпечаток на музыку гимна». С ним соглашался А. Хачатурян: «Музыка его (гимна. — Н. С.) в смысле колоритности должна быть русская... Практика показала, что русские песни поются везде, во всех национальных республиках... Я в своей работе буду отталкиваться от русской городской песни»⁵¹.

Идея советского государственного гимна у многих поэтов ассоциировалась с первым российским государственным гимном, во всяком случае новый гимн неоднократно называли «народным» по аналогии с гимном XIX в. А. Жаров говорил, что «царский гимн по структуре был прост, немногословен», В. Гусев считал, что «элементы молитвенности в гимне могут быть», очень многие поэты в представленных ими текстах гимна использовали многократно повторенное «Славься! Славься! Славься!» (напоминание о глинкавском хоре «Славься») и т. д.

Весьма показательны действия по сбору информации о месте и времени исполнения царского гимна. В 1949 г. Президиум Верховного Совета СССР направил запрос начальнику Главного архивного управления генерал-майору В. Д. Стырову: «по встретившейся надобности» подобрать «архивные материалы, относящиеся к церемониалу исполнения русского и иностранных государственных гимнов, а также церемониалу различных торжеств и официальных приемов, на которых исполнялся Государственный гимн». Многие архивы прислали запрашиваемые сведения, почерпнутые из различных изданий, воинских уставов, журнальных и газетных статей, ибо, как констатировалось в заключительной справке, «среди этих материалов не имеется единого документа, регламентирующего исполнение гимна»⁵².

Разработчики церемониала исполнения гимна Советского Союза взяли целый ряд положений из присланных материалов, например исполнение гимна при встрече главы государства, в различных церемониях (открытии памятников), в воинских частях и в дипломатических сношениях. В результате были разработаны Правила исполнения Государственного гимна СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР в 1950 г. их утвердил. Тогда же ликвидировали разноречивое наименование гимнов: «государственный гимн», «народный гимн», «национальный гимн», «партийный

⁵¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 3.

⁵² Там же. Ф. 7523. Оп. 41. Ед. хр. 142. Л. 1, 17.

Последующие прослушивания выявили нового «лидера» среди композиторов. Им оказался Д. Д. Шостакович. И Ворошилов и Щербаков признавали, что «наиболее приближающейся к требованиям, которым должна отвечать музыка гимна, пока остается произведение Д. Шостаковича»⁵⁶, хотя «заслуживает внимания» музыка А. В. Александрова, Б. А. Александрова, Мурадели, Хачатуряна, Хренникова и др. В защиту музыки Д. Шостаковича выступили, получив какие-то надежды на принятие их текста, С. В. Михалков и Г. Эль-Регистан. В письме к Ворошилову от 28 сентября 1943 г. они писали: «Нам кажется, только два композитора нашей страны — Дм. Дм. Шостакович и С. С. Прокофьев могли написать такой (“лучше всех существовавших и существующих гимнов других народов” — слова К. Е. Ворошилова. — Н. С.). Сам факт авторства одного из этих двух мастеров, признанных величайшими композиторами современности, придавал бы гимну нашей Родины тот характер, о котором Вы говорили»⁵⁷. Далее в письме указывается, что Шостакович написал музыку на первый вариант гимна двух соавторов. Интересна резолюция Ворошилова, наложенная на письмо: «Шостакович и Прокофьев действительно самые признанные композиторы наших дней, однако, гимн будут писать все композиторы СССР (а может быть, и не композиторы примут участие), и кто из них даст лучшую музыку гимна, тот и будет автором этого исторического сочинения».

Действительно, музыку гимна, переделанную по нескольку раз, представили не только московские композиторы, но и музыканты из других городов СССР: из Ташкента — 16, из Алма-Аты — 14, из Тбилиси — 12, из Баку — 7 и т. д. С 24 сентября 1943 г. прослушивание проводилось с нарастающей интенсивностью: каждые 7—10 дней. Применялась шкала оценок музыки по 12-балльной системе, причем регулярно 7—8 баллов получала гимническая музыка Шостаковича и Александрова, хотя на определенных этапах выделялись и другие композиторы. Так, на прослушивании в Большом театре 16 ноября, где присутствовали Сталин, Молотов, Маленков и другие руководители Советского государства и где исполнялась музыка гимна 9 композиторов, в том числе и А. В. Александрова («Гимн партии большевиков»), была «выделена для доработки музыка Хачатуряна, Шостаковича, Туския». На одном из прослушиваний (1 ноября 1943 г.) в списке композиторов (все они уже писали музыку к тексту Михалкова и Эль-Регистана) из 14 человек 3 композитора — Шостакович, Хачатурян, А. В. Александров — получили наивысшую оценку — 8 баллов. Интересны комментарии Ворошилова, помещенные около каждой фамилии: Шостакович — «как будто бы сносно», Хачатурян — «сносно», А. В. Александров — «ожидал большего».

Конкурс текста гимна также проходил в конкурентной борьбе, но, может быть, менее напряженной. Постоянно высказывались претензии руководителю писательского цеха А. Фадееву по поводу отсутствия достойных стихов. В сентябре Ворошилов, докладывая Сталину о работе над гимном Советского Союза, подчер-

56 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 173.

57 Там же. Л. 161.

кивал, что отсутствует «удовлетворяющий нас текст». Многие композиторы жаловались, что не могут работать над гимном, ибо музыка должна координироваться словами гимна. Тогда решили предоставить композиторам право выбора стихов тех поэтов, которые участвовали в конкурсе. Интересен их список, составленный к совещанию 24 августа 1943 г. в ведомстве Фадеева. Из 18 человек — только 5 членов партии, 11 русских, 5 евреев, 1 украинец, 1 армянин. Состав претендентов на авторство гимна исключает инсинуации по поводу их отбора по какому-то одному заданному признаку. Это касается и композиторов.

К началу сентября подвели предварительные итоги. Составили сборник и отправили Сталину⁵⁸. В сборник вошли 96 текстов, созданных 56 поэтами. По мнению Ворошилова, Щербакова, «а также по единодушному признанию всех присутствовавших композиторов и поэтов», тех, кто прослушивал музыку гимна вместе со словами в Бетховенском зале 11 сентября, ни один из представленных вариантов не отвечал предъявляемым требованиям. Однако наилучшей среди представленных была музыка Шостаковича на слова Михалкова и Эль-Регистана. К 20 сентября руководство страны окончательно остановилось на 3-м варианте текста (который мало чем отличался от первых двух) вышеназванных авторов. Он назывался «Свободных народов союз благородный», состоял из четырех куплетов, без припева, значительно отличаясь от окончательного текста гимна. Авторам настоятельно рекомендовали «придать простоту и ясность языку текста с тем, чтобы он был доступен всем слоям населения, независимо от их общественного положения и культурного уровня»⁵⁹. В частности, слова «Союз благородный», «в грядущее» (путь озарил) отдавали, по мнению критиков, «литературщиной» и могли быть «не поняты в деревне». «Литературщину» авторы быстро заменили более понятными для широких масс словами: «союз нерушимый» и т. д. Рекомендовано было также сделать припев. 7 вариантов припева «изготовили» два соавтора за каких-то два три дня. Он звучал так: «Живи в веках, страна социализма, / Твоя звезда к победам нас ведет. / Живи и крепни, славная Отчизна, / Тебя хранит великий твой народ!»

25 сентября 1943 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) текст гимна был утвержден (2 куплета и вышеприведенный припев). Он был передан всем композиторам Советского Союза для написания музыки. Причем подчеркивалось: «для участия композиторов национальных республик, краев, областей в создании музыки Гимна этот текст передается по телеграфу в республиканские, краевые и областные центры Советского Союза. Срок представления музыки — 14 октября 1943 г.»⁶⁰

Весь октябрь, ноябрь, часть декабря прослушивали музыку гимна в исполнении хора, оркестра, совместно хора и оркестра. 29 композиторов писали музыку на слова Михалкова и Эль-Регистана. Продолжалась и работа над текстом. В конце октября Сталин высказал авторам свои соображения: двухкуплетный текст — слиш-

58 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 41—43.

59 Там же. Л. 175.

60 Там же. Л. 179.

ТЕНОРА.

ГИМН С.С.С.Р.

А. ХАЧАТУРЯН.
Д. ШОСТАКОВИЧ.

Grave *sfz*

Со-юз не-р-у-ши-мый рес-пуб-лик сво-бодных сплю-про-зы си-я-ло нам солн-це сво-бо-ды и Арми-ю на-шу ра-сти-ли в сра-же-нях, за-

-ти-ла на-ве-ки ве-ли-кая Русь. Да здравствуй-ет, соз-дан-ный Де-нин ве-ли-кий на-м пу-ть-о-за-рял. Нас бы-ра-стил 'Ста-лин на-х-ватчи-ков под-лых до-ро-ги сме-т-ет. Мы в бит-вах ре-ша-ем судь-

бо-лей на-ро-дов, е-ди-ный, мо-гучий Со-вет-ский Со-юз. вер-ность на-ро-ду, на-труд и на-под-ви-ги нас в-дох-но-вил. -бу по-ко-ле-ний, мы к сла-ве о-те-че-ство на-ше ве-дем.

Сла-всья, о-те-че-ство на-ше сво-бод-но-е, дру-жбы на-ро-дов на-сча-стья сла-вы

-де-ж-ный о-плот, зна-мя Со-вет-ско-е, зна-мя на-род-но-е

1. 2. пусть от по-бе-ды к по-бе-де ве-дет. 2. Сквозь 3. Мы по//бе-де ве-дет.

А. И. Хачатурян и Д. Д. Шостакович.

Гимн Советского Союза (для двухголосного мужского хора).

На слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана

ком купций, необходимо добавить третий куплет, который был бы посвящен вооруженным силам Советского Союза — Красной армии, «которая боролась, борется и будет бороться за честь, свободу и независимость нашего Отечества»⁶¹. Михалков и Эль-Регистан представили 7 вариантов третьего куплета. В дальнейшем вся отработка текста, как явствует из «Дневника» (справки о работе над гимном), проходила под непосредственным наблюдением Сталина и даже в его присутствии. 28 октября членам и кандидатам ЦК ВКП(б) сообщили окончательный вариант трехкуплетного

61 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 182.

текста гимна с припевом, хотя к авторам обратились с просьбой сделать запасной вариант припева — более торжественный, каковой и был написан. Он вошел в окончательный утвержденный текст гимна. В ноябре состоялось прослушивание на сцене Большого театра в оркестровом и хоровом исполнении гимнических мелодий нескольких композиторов со словами Михалкова и Эль-Регистана, в результате были выделены три мелодии: А. В. Александрова («Гимн партии большевиков»), совместный вариант Шостаковича — Хачатуряна, а также Тускии.

Наконец, через месяц, 13 декабря 1943 г., в присутствии руководителей государства на сцене Большого театра прозвучали заново мелодии четырех композиторов. Гимн исполнялся оркестром Большого театра под управлением дирижера Мелик-Пашаева и хора Краснознаменного ансамбля, руководимого Александровым. На этом прослушивании был сделан окончательный выбор музыки гимна — им стала музыка, написанная Александровым для «Гимна партии большевиков». 14 декабря, как отмечалось выше, специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило окончательный текст и музыку гимна.

Бывший учащийся регентских классов А. В. Александров 9-летним мальчиком был привезен из рязанской деревни в Петербург и начал петь в хоре Казанского собора. В 1898 г. руководитель этого хора В. Фатеев помог талантливому юноше поступить в регентские классы петербургской Певческой капеллы, которой когда-то руководил автор первого национального гимна (А. Ф. Львов). Через два года он получил звание хорового регента. В самом начале XX в. Александров был принят в Петербургскую консерваторию, в класс проф. Н. Соловьева, позднее защитившего А. Ф. Львова от нападок. Он учился там также у Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, А. Лядова. В 1905 г. он выиграл конкурс и стал регентом архиерейского хора в Твери. Из Твери Александров постоянно ездил в Москву, где брал уроки в Московской консерватории, которую окончил с большой серебряной медалью по классу композиции (у С. Василенко) и пению (класс У. Мазетти)⁶². А. В. Александров был последним регентом церковного хора храма Христа Спасителя.

⁶² Широв А. В. Краснознаменный ансамбль Советской армии. М., 1964. С. 13—14.

В 1918 г. Александров начал преподавать в Московской консерватории, а также работал как хормейстер в столичных театрах, пока не связал свою жизнь с организованным им Ансамблем красноармейской песни (затем — Краснознаменный ансамбль Советской армии). Он писал много гимнов, прославляющих страну, песен, посвященных Советской армии.

Мало кто, кроме домашних, знал, что Александров всегда тяготел к церковной музыке, с юности зная знаменную распев. Б. А. Александров, его сын и преемник, вспоминал, что отец обладал обширными знаниями по византийской гимнографии, до тонкости знал набор православных богослужебных песнопений: стихиру, кондак, тропарь, акафист, икос, припев и славословие, величание и аллилуарий и конечно же гимн. В начале 1990-х гг. сын Александрова показал бывшим сослуживцам духовные сочинения своего отца и наиграл мелодию, в которой угадывалась «первооткань» гимна Советского Союза⁶³, написанную еще в конце 1920-х гг.

Новый Государственный гимн СССР прозвучал первым на «концерте гимнов» в 1943 г. Как указывается, «для сравнения» исполнены были и гимны советских композиторов, получившие самые высокие оценки при прослушивании, а также ряд гимнов других держав: Великобритании, Франции, США, Италии, Германии, Японии⁶⁴.

В 1977 г. были изменены слова гимна, автором которых назывались С. В. Михалков и Г. А. Эль-Регистан, к тому времени уже 30 лет как умерший. В тексте был убран куплет о Красной армии, имя Сталина, а также «воздавалось по заслугам» КПСС, которая «нас к торжеству коммунизма ведет». В 2000 г. Михалков (самостоятельно) написал слова Государственного гимна Российской Федерации, «приспособив» их к мелодии гимна Советского Союза. Доминантой в тексте являются: «Россия — священная держава», «Хранимая Богом родная земля» и др.

63 *Компаниец А. Я.* Русские истоки державного гимна // *Русский дом.* 2001. № 12. С. 44—45; *Он же.* Из глубины былин // *Родина.* 2002. № 3. С. 86—87; *Возвращение Александрова* // *Труд.* 04.01.2001. См. также: *Грачев В. Н.* Указ. соч. С. 96—100.

64 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 122—127.